

Солнце клонилось к закату.

— Чжуцзы, пойдём с бабушкой в дом. Мама скоро вернётся, давай сначала поужинаем, хорошо? — женщина наклонилась к ребёнку у двери и протянула руки, её голос был особенно ласковым.

Чжуцзы держался за дверной косяк и ещё несколько раз посмотрел наружу. Не увидев того, кого ждал, он со слезами на глазах шагнул в объятия старушки и невнятно пробормотал:

— Хочу маму...

Старушка подняла его на руки и нежно приладила редкие желтоватые волосы ребёнка.

— Она скоро вернётся. Веришь бабушке?

После возвращения в семью Цянь ребёнок изменил обращения и теперь называл супругов Цянь дедушкой и бабушкой.

— Угу.

Малыш энергично кивнул, но в голосе всё ещё слышались слёзы.

Мать Цянь беспомощно вздохнула про себя, внесла ребёнка в главную комнату. На столе стояла чашка яичного пудинга, сверху политого тонким слоем соевого соуса.

— Давай поедим яичко. Когда доешь, мама как раз вернётся.

Отец Цянь поставил перед ребёнком чашку и ложку, затем сложил чистый платок и заправил ему за ворот, чтобы не испачкать одежду. Чжуцзы почти лёг грудью на стол и принялся ложкой отправлять яичный пудинг в рот.

Они просидели рядом с ребёнком совсем недолго, когда у входа послышался звук открывающейся двери. Ложка в руке Чжуцзы тут же опустилась, и он протянул руки наружу:

— Мама!

— Иду. Чжуцзы дома хорошо себя вёл?

Цянь Сань-нян быстро вошла, с улыбкой поздоровалась с отцом и матерью и забрала ребёнка из рук матери.

Чжуцзы потёрся о неё.

— Хорошо.

Увидев дочь, отец и мать Цянь поспешно поднялись и спросили:

— Всё прошло удачно? Почему ты так поздно вернулась?

Успокаивая ребёнка на руках, Цянь Сань-нян с нескрываемой радостью ответила:

— Всё прошло очень хорошо. Господин Нин сегодня научил меня шести блюдам из тофу. Он не взял серебро, которое я принесла. Мы заключили договор: после того как я начну торговать, буду отдавать ему часть заработка.

— Ни единого вэня не взял? — изумился отец Цянь.

— Да. Господин Нин ещё сказал, что, когда я начну зарабатывать, смогу прийти к нему и научиться более сложным блюдам.

Услышав это, мать Цянь сложила ладони и поклонилась Небесам.

— Небеса, господин Нин и правда добрый человек!

Семья уселась за столом. Цянь Сань-нян кормила ребёнка яичным пудингом и тихо рассказывала родителям о том, чему сегодня научилась. Узнав, что речь шла в основном о блюдах из тофу, отец и мать Цянь снова и снова восклицали:

— Господин Нин так много для нас продумал.

Ведь тофу стоил совсем дёшево. Пусть на приправы и придётся потратиться, но одной банки соевого соуса хватит надолго. Себестоимость такого дела была гораздо ниже, чем у многих других.

Цянь Сань-нян продолжала кормить ребёнка.

— Господин Нин - хороший человек. Я думаю, даже когда три года закончатся, нельзя совсем прекращать с ним общение.

— Верно, верно. Главное, что ты сама это понимаешь.

Шесть блюд из тофу заметно оживили атмосферу в доме. Вся семья наперебой обсуждала, что нужно сделать завтра, и им не терпелось поскорее выйти торговать и начать зарабатывать.

В мгновение ока наступил следующий день.

В семье Цянь все с утра были заняты подготовкой вещей для торгового места. А в доме Сюн Нин Гуйчжу стоял во дворе и потягивался. Затем подошёл посмотреть на стену, которую рабочие вчера покрыли штукатуркой. Увидев, что поверхность получилась белой, ровной и гладкой, он невольно легко провёл по ней рукой. Слой штукатурки без труда осыпался и окрасил кончики пальцев в белый цвет. Нин Гуйчжу вспомнил, о чём вчера говорил Сюн Цзиньчжоу.

Когда каменщики закончат штукатурить, нужно будет позвать кровельщика, чтобы тот уложил на верхушку стены черепицу, иначе дождь будет смывать покрытие. С плотником Сюн Цзиньчжоу тоже договорился заранее: сегодня тот должен был прийти снять размеры для ворот.

С переднего двора донеслись детские голоса. Нин Гуйчжу отошёл от стены.

— Сначала вымойте руки. Сегодня будем читать «Троесловие».

— Хорошо...

Дети громко отозвались, подбежали к колодцу, зачерпнули ковш воды из ведра и послушно вымыли руки. Стряхнув капли, все трое направились в спальню. Нин Гуйчжу уже вошёл туда раньше них и кистью выводил на бумаге начало «Троесловия»: «В начале жизни природа человека добра. По природе люди близки...».

В эту эпоху знаки препинания ещё не использовались в письменном тексте, и строки в книгах шли слитно. Переписывая текст на бумагу, Нин Гуйчжу лишь разделил его на части, но не ставил ни запятых, ни точек. Он положил лист с написанным в центр стола и подумал, что завтра, когда у Цзиньчжоу будет выходной, нужно будет сделать доску для закрепления бумаги. В таком виде детям было не слишком удобно смотреть.

Трое детей принесли табуретки и послушно сели в ряд. С любопытством разглядывая исписанный лист, они ждали объяснений Нин Гуйчжу.

— Сначала повторяйте за мной, — Нин Гуйчжу указал пальцем на бумагу. — «В начале жизни природа человека добра...»

— В начале жизни... природа человека добра...

Дети тянули окончания слов, и люди, «случайно проходившие мимо», невольно заглядывали во

двор. Однако высокая стена полностью заслоняла обзор. Стоило им подойти к воротам, как неторопливо появилась Лю Цюхун. Увидев нескольких подозрительно крадущихся людей, она холодно фыркнула:

— Вы чем тут занимаетесь?!

— Да чем мы можем заниматься? Просто смотрим, только и всего, — неловко рассмеялся застигнутый врасплох гер, но быстро пришёл в себя и спросил: — Вы ведь говорили, что не хотите утруждать Чжу-гера. А я слышу, он учит детей вашего старшего сына?

Лю Цюхун посмотрела на него с натянутой улыбкой:

— Они по всем правилам преподнесли учительский дар и поклонились наставнику. Теперь Чжу-гер для них словно второй отец. О каком утруждении может идти речь?

— Даже учительский дар преподнесли, — протянул гер, обдумывая услышанное.

Лю Цюхун фыркнула:

— А как же иначе? Цзиньпин и Чуньхуа не из тех бесстыжих людей, которые станут притеснять супруга младшего брата.

— Разве это можно назвать притеснением? Семья должна помогать друг другу.

По выражению лица Лю Цюхун гер прекрасно понимал, что ей неприятен. Но всё-таки речь шла об учителе из их собственной деревни, поэтому после недолгих колебаний он набрался наглости и спросил:

— А сколько нужно дать в качестве учительского дара?

Лю Цюхун: «...»

Она оглядела его с головы до ног и небрежно сказала:

— Не говоря уже о серебре, мясо и овощи обязательны. Несколько рыб тоже нужно приготовить. Они только начали обзаводиться хозяйством, разве не следует подарить несущку? Раз уж хочешь, чтобы он учил твоего ребёнка, и в обычные дни нельзя забывать приходить с подарками.

Услышав такой длинный перечень, гер сразу изменился в лице и с неприязнью произнёс:

— Он всего лишь гер, а требует столько всего?

— Раз так презираешь, нечего сюда лезть.

Лю Цюхун оттеснила его плечом и вошла во двор. Увидев на её лице раздражение, Нин Гуйчжу велел детям продолжать читать и вышел из спальни.

— Мама, что случилось? Кого ты встретила с самого утра, что так рассердилась?

— Всё те же деревенские паршивцы, — ответила Лю Цюхун.

Услышав это, Нин Гуйчжу сразу вспомнил прежние неприятности. Он подвинул для неё табурет:

— Что они сказали?

— Хотят, чтобы ты за бесценок учил их детей, — скривилась Лю Цюхун.

Нин Гуйчжу с улыбкой начал разминать ей плечи:

— Пусть хотят. Если я не соглашусь, они ведь не посмеют ворваться и силой заставить меня?

— И то верно. — На душе у Лю Цюхун стало немного легче. Немного подумав, она добавила: — Но всё равно я не могу оставить это просто так. Сегодня здесь только стены штукатурят. Чжу-гер, пойду-ка прогуляюсь к началу деревни.

Нин Гуйчжу сначала растерялся, но тут же понял, что свекровь собирается выплеснуть раздражение и хорошенько отчитать этих людей. Он быстро всё обдумал, с улыбкой удержал её за руку, наклонился к самому уху и тихо что-то прошептал.

Глаза Лю Цюхун сразу загорелись.

— Чжу-гер, ты серьёзно?

Нин Гуйчжу кивнул.

— Конечно. Только, мама, придётся тебе сначала хорошенько присмотреться к людям. Тех, кто намеренно цепляется к Цзиньчжоу и любит его задирать, я учить не стану.

Некоторые называли Сюн Цзиньчжоу «человеком с тяжёлой убийственной аурой» просто по

глупости. На самом деле они были не злыми, да и с родственниками жили вполне мирно - таких Нин Гуйчжу готов был принять. Но те, кто лишь потому искал повод досадить Цзиньчжоу, что испытывал к нему неприязнь, не заслуживали его расположения.

Лю Цюхун похлопала его по руке.

— Не переживай. Таких я и сама терпеть не могу.

Нин Гуйчжу улыбнулся.

— Тогда поручаю это тебе. Вечером, когда Цзиньчжоу вернётся, обсудим всё вместе.

— Договорились! Всё будет сделано!

Лю Цюхун бодро вышла за ворота. Нин Гуйчжу же вернулся в спальню и как раз услышал, как трое учеников вместо «Жэнь чжи чу» («В начале жизни») хором читают: «Жэнь цзю чу» - «человека вытащить».

— ...

Нин Гуйчжу не выдержал и рассмеялся.

— Это кого же вы собрались вытаскивать?

Три маленькие «редиски» мгновенно притихли, словно цыплята под взглядом ястреба.

В доме урок продолжился с небольшими заминками, а Лю Цюхун, оставив вещи дома, снова отправилась в путь. Подойдя к большому дереву у въезда в деревню, она нарочно замедлила шаг. Её неспешная походка быстро привлекла внимание окружающих.

Одна из женщин, с которой Лю Цюхун была в хороших отношениях, окликнула её:

— Цюхун, ты чего не сидишь у младшего сына дома? Куда это собралась?

Лю Цюхун только этого вопроса и ждала. Обернувшись и увидев, кто её окликнул, она весело ответила:

— А, невестка Чуньмэй. Да какие у меня дела? Всё это Чжу-гер попросил, вот и пришлось выйти.

Теперь Нин Гуйчжу был главной темой разговоров во всей деревне. Стоило Лю Цюхун упомянуть его имя, как сразу же нашлись любопытные.

— Что случилось? Расскажешь?

— Да ничего особенного.

Лю Цюхун подошла ближе. Кто-то сразу подвинул ей табурет, и она без церемоний села. Взяв из рук Чуньмэй несколько земляных орехов, она ловко расколола один, под хруст скорлупы окинула взглядом другую компанию и с улыбкой сказала:

— Наш Чжу-гер - человек необыкновенно добрый. Раз уж сам столько всего умеет, решил помочь родне и поручил мне подобрать несколько семей, чтобы пригласить их к нам домой поговорить об обучении ремеслу.

— Ой, да неужели? — не скрывая зависти, воскликнула Чуньмэй. — Вот уж вашей семье повезло!

Кто-то сокрушённо вздохнул:

— Эх, знала бы заранее,пустила бы тогда ту женщину, напоила бы чаем. Глядишь, она бы и наших детей приметила.

Это была шутка, и тут же кто-то рядом рассмеялся:

— При Цюхун такое ещё можно сказать, только смотри, чтобы это не дошло до ушей старшего брата Сюна. Иначе твоему мальчишке точно достанется.

При этих словах все вокруг дружно расхохотались.

Лю Цюхун фыркнула:

— Если мой Цзиньчжоу и вправду пустит в ход кулаки, то только потому, что вы языком без удержу мелете.

Люди её поколения лишь посмеивались - они не особенно боялись. Зато одна из молодых женщин тут же схватила Лю Цюхун за руку.

— Тётушка, мы точно никому не проболтаемся. Только, пожалуйста, не передавайте эти слова второму брату Сюну.

— Умница, — Лю Цюхун ласково похлопала её по руке. — Не волнуйся, тётушка ему ничего не скажет.

Вокруг Лю Цюхун собрались люди, с которыми она была в хороших отношениях. Чем громче они смеялись и шутили, тем мрачнее становились лица тех, кто сидел поодаль. Видя их выражения, Лю Цюхун чувствовала, как на душе становится всё легче и приятнее. Она поднялась, стряхнула с одежды скорлупу арахиса, нарочно повысила голос и, покосившись в сторону другой компании, сказала:

— Ладно, не буду больше с вами болтать. Мне ещё нужно зайти к нескольким невесткам и снохам поговорить об этом деле. Будет время - ещё посидим.

— Хорошо, иди. Дело прежде всего.

Едва фигура Лю Цюхун скрылась чуть дальше по дороге, как кто-то из соседней компании холодно фыркнул:

— Думаете, эта Лю вам хоть что-нибудь даст. Чего вы так радуетесь?

На этой стороне на мгновение воцарилась тишина. Затем Ли Чуньмэй с улыбкой обратилась к молодым женщинам:

— Смотрите внимательно и не становитесь такими, как они. Только и думают, как бы поживиться за чужой счёт. Иначе однажды, когда придёт беда, во всей деревне не найдётся никого, кто захочет вам помочь.

Тут же кто-то вскочил в ярости.

— Ли Чуньмэй, ты, бесстыжая дрянь! Что за чушь ты несёшь?!

Ли Чуньмэй бросила арахис обратно в корзинку, резко поднялась и, уперев руки в бока, громко ответила:

— Да я именно вас, бессовестных пиявок, и ругаю! Каждый день кого-то поносите, кого-то обсасываете. Стоит любой семье зажить хоть немного лучше, сразу лезете всё испортить. Кто знает - скажет, что вы люди. А кто не знает - подумает, что это палка для размешивания навоза* обрела человеческий облик и явилась в этот мир только затем, чтобы всем жизнь отравлять.

(ПП: образно: человек, который всюду вносит раздор и смуту)

— Ах ты, Ли Чуньмэй! Думаешь, раз такая умная, то тебе всё можно? Сейчас я тебе рот

разорву!

Гер из толпы засучил рукава и бросился вперёд. Все они выросли в одной деревне, кто здесь хоть раз не дрался? Ли Чуньмэй тут же шагнула ему навстречу.

Увидев это, окружающие поспешили разнимать.

— Ой, да перестаньте вы! В таком возрасте ещё дерётесь, а вдруг покалечитесь?

Уговаривая их, кто-то одновременно тянул старого гера за ноги. Ли Чуньмэй воспользовалась моментом и отвесила ему несколько звонких пощёчин. Те, кто обычно держался вместе со старым гером, увидев это, тоже бросились вперёд и стали нападать на разнимающих. Но даже если собрать всю их родню вместе, разве могли они сравниться числом с женщинами и герами из большей части деревни? Здесь они ещё не успевали схватить одного, как с другой стороны уже кто-то оттаскивал их самих.

Обычно эта шайка, пользуясь тем, что в их семьях много мужчин, всюду затевала ссоры. Почти каждому из присутствующих когда-то приходилось терпеть от них обиды. Теперь же, когда наконец представилась возможность навалиться всем вместе, каждый исподтишка хватал их за волосы, пинал ногами и бил так, что те только беспрерывно охали и вскрикивали.

Когда Лю Цюхун услышала неладное и прибежала обратно, они уже одержали полную победу. Поправили одежду, выбрали свои вещи, немного передвинулись и приготовились продолжить разговор.

Увидев Лю Цюхун, кто-то с улыбкой окликнул:

— Цюхун, чего ты опять вернулась?

Лю Цюхун посмотрела на них, затем на стоявшую в стороне компанию, которая всё ещё делала вид, будто не боится, и выкрикивала угрозы. Помолчав пару мгновений, она подняла большой палец:

— Сильны.

В деревне царило оживление, а из маленького двора доносились детские голоса, переплетаясь с птичьим щебетом и невольно поднимая настроение. За весь день, переходя от чтения к письму, а затем к объяснению смысла, к концу урока они дошли лишь до строки: «Обучил пятерых сыновей, и все прославили своё имя».

Глядя, как трое детей выбежали наружу резвиться, Нин Гуйчжу с улыбкой покачал головой. Затем поймал котят, которые во дворе пытались набрасываться на насекомых, посадил перед бамбуковым лотком и остался рядом следить, как они едят.

Саньбао и Сыси оказались на удивление неприхотливыми. С тех пор как им позволили свободно двигаться, они начали ползать по всему двору, а когда открыли глаза и перестали постоянно спотыкаться, стали всюду бегать и прыгать. Их аппетит рос буквально на глазах. Нин Гуйчжу смотрел, как мясной бульон быстро исчезает, и пальцем погладил обоих котят по макушкам.

— Вечером сварю вам мясную кашу.

Саньбао и Сыси ласково замяукали - неизвестно, поняли ли они его слова.

Бульон в чашке быстро закончился. Нин Гуйчжу налил им ещё немного и дождался, пока животики у обоих не стали круглыми, после чего убрал всё и отнёс на кухню.

Сюн Цзиньчжоу вошёл во двор, никого не увидел и пошёл на звук к кухне. Заглянув внутрь, он спросил:

— Чжу-гер, что делаешь?

Нин Гуйчжу помешивал кашу в котле. Подняв голову и увидев вошедшего Сюн Цзиньчжоу, он с улыбкой сказал:

— Варю кашу. Хочу приготовить кастрюлю рисовой каши с постной свининой. Почему ты сегодня так рано вернулся?

Сюн Цзиньчжоу подошёл ближе и, подняв руку, покачал перед ним увесистым кошельком.

— Господин судья велел мне вернуться пораньше.

Нин Гуйчжу с любопытством посмотрел на туго набитый мешочек.

— Разменял серебро на медные монеты?

Сюн Цзиньчжоу покачал головой.

— Старший брат с невесткой и так каждые несколько дней приносят медяки, зачем мне ещё менять? — Он улыбнулся. — Здесь один лян - моё месячное жалованье, а остальные десять - награда для тебя от господина.

— Что?

Сюн Цзиньчжоу положил кошелёк рядом, забрал у Нин Гуйчжу лопатку и продолжил

помешивать кашу.

— Господин узнал о вашем договоре. Сказал, что это он познакомил тебя с Цянь Сань-нян, поэтому решил дать немного серебра, чтобы возместить твои возможные потери.

Ведь Нин Гуйчжу уже передал ей своё мастерство, а сколько она в итоге заработает, никто не мог предсказать.

Нин Гуйчжу открыл кошелек, заглянул внутрь и беспомощно усмехнулся.

— Господин уездный судья... стоит чему-нибудь случиться - сразу даёт серебро. Скоро он станет главным покровителем нашей семьи.

— Покровителем? — Сюн Цзиньчжоу не понял этого слова, но всё же сказал: — У господина денег хватает. Нам нужно только хорошо работать и зарабатывать побольше.

— ...

Нин Гуйчжу вдруг стало любопытно.

— А сколько ты уже получил от господина в виде наград?

— Лян десять-двадцать, наверное, набралось. — Сюн Цзиньчжоу немного подумал. — Я ведь умею только ловить преступников и драться. Если попадается сложное дело и нам удаётся быстро схватить виновного, господин выдаёт несколько лян награды, чтобы разделить между нами. Поскольку основную работу обычно делаю я, мне и достаётся самая большая доля.

Выслушав его, Нин Гуйчжу немного подумал и серьёзно сказал:

— Тогда впредь лучше я буду зарабатывать эти награды.

Чем меньше ему придётся ловить преступников, тем лучше - такая работа слишком опасна. Сюн Цзиньчжоу сразу понял невысказанный смысл этих слов и невольно рассмеялся.

Каша в котле уже почти сварилась. Нин Гуйчжу добавил заранее замаринованный мясной фарш, несколько раз перемешал и убавил огонь в очаге.

— Пойдём, пойдём. Нечего торчать на кухне - слишком жарко.

Сюн Цзиньчжоу послушно вышел вслед за ним и по дороге спросил:

— Чем займёмся завтра?

— Давай построим коптильню. Старший брат с невесткой после обряда ученичества принесли столько мяса, да и ты ещё столько купил. Нужно поскорее всё закоптить.

Сюн Цзиньчжоу спросил:

— Разве мясо не нужно сначала приготовить?

— ...А, точно.

Нин Гуйчжу хлопнул себя по лбу. Он всё думал о том, что дома нет коптильни, и совсем забыл, что мясо можно заранее засолить. После напоминания Сюн Цзиньчжоу он тут же развернулся, собираясь идти обжаривать соль.

Но не успел сделать и двух шагов, как Сюн Цзиньчжоу схватил его за руку.

— Подожди. Сначала поедим.

— Тоже верно.

Нин Гуйчжу остановился и сказал:

— Утром мы с матушкой говорили о том, чтобы обучать людей ремеслу. Позже надо будет сходить к родителям.

— Почему ты вдруг решил заняться этим?

Сюн Цзиньчжоу немного не понимал. Ещё когда у Нин Гуйчжу только появилась эта мысль, они договорились: как только семья начнёт зарабатывать, будут постепенно обучать родственников и жителей деревни. Но до сегодняшнего дня Сюн Цзиньчжоу не слышал, чтобы тот собирался воплощать это прямо сейчас.

— Всё из-за тех мерзких людей, — ответил Нин Гуйчжу.

Он прислонился к Сюн Цзиньчжоу, рассказал о случившемся утром и добавил:

— Мать расстроилась, да и мне неприятно было это слышать. Лучше пораньше помочь другим начать зарабатывать, чтобы те завидовали до конца жизни.

Взгляд Сюн Цзиньчжоу потемнел. Он обнял Нин Гуйчжу, поправляя выбившиеся у виска длинные пряди, и тихо сказал:

— Тогда сядем прямо у их ворот: сами съедим кусок мяса, потом дадим кусок собакам - пусть смотрят и завидуют.

Представленная им картина так развеселила Нин Гуйчжу, что он, прислонившись к нему, долго не мог остановиться.

Пока они тесно прижимались друг к другу, голоса рабочих за двором становились всё ближе. Услышав их, Нин Гуйчжу поспешно выпрямился и как раз встретился взглядом с вошедшим работником. Тот на мгновение замер, почесал голову и даже засомневался, не привиделось ли ему.

Нин Гуйчжу невозмутимо заговорил первым:

— Уже закончили?

Следом подошёл каменщик. Проходя мимо работника, он услышал вопрос Нин Гуйчжу и с улыбкой сказал:

— Штукатурку на стенах уже закончили. Сюн-фулан, Сюн-батоу, хотите сейчас осмотреть? Если всё в порядке, можно окончательно рассчитаться.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу поднялся, похлопал Нин Гуйчжу по руке и напомнил:

— Чжу-гер, сходи принеси серебро, которое я принёс.

— А, хорошо.

Нин Гуйчжу, уже собиравшийся последовать за ним, остановился, зашёл на кухню и вынес кошель, который Сюн Цзиньчжоу небрежно оставил там. Лишь когда тот осмотрел стены и вернулся, они выплатили каменщику остаток суммы.

Эта работа принесла всем удовлетворение. Получив серебро, каменщик с улыбкой напомнил:

— Пока дождя нет, постарайтесь поскорее уложить черепицу на стену. Будет жаль, если дождь смое штукатурку.

— Я уже договорился с плотником и кровельщиком, — сказал Сюн Цзиньчжоу.

Увидев, что они всё предусмотрели, каменщик кивнул и вместе с работниками, забравшими инструменты всех размеров, отправился домой.

Нин Гуйчжу сунул кошель Сюн Цзиньчжоу:

— Я пойду осмотрю двор, а ты убери деньги.

Все эти дни он оставался дома и ежедневно наблюдал, как постепенно поднимается стена, поэтому уже почти перестал замечать перемены. Но теперь, когда всё было полностью закончено, он не удержался и несколько раз обошёл двор внутри и снаружи.

Артель каменщика работала очень тщательно. Они разбирали бамбуковую изгородь лишь там, где в тот момент возводили стену, а снятые бамбуковые планки аккуратно складывали в одну кучу. Со стороны спальни задние стены загона для кур и уток и навеса для мула примыкали друг к другу. Все видимые участки каменной стены были покрыты белой штукатуркой и выглядели особенно красиво.

В прекрасном настроении Нин Гуйчжу вернулся на передний двор, подошёл к Сюн Цзиньчжоу и с ожиданием спросил:

— Как думаешь, сколько времени займут черепица и ворота?

Сюн Цзиньчжоу привычно обнял его и поцеловал в губы.

— Плотник ведь сегодня уже приходил снимать размеры. У него есть готовые ворота, нужно лишь немного подогнать. А с черепицей, думаю, управятся за день-два.

— Так быстро.

Нин Гуйчжу восхищённо вздохнул и принялся выбирать место для коптильни. На заднем дворе и так уже стояло достаточно построек, к тому же за последние дни огород снова расширили. Его взгляд остановился на куче бамбуковых веток на переднем дворе. Немного подумав, он указал на участок перед сараем для дров:

— Может, построим коптильню здесь? Если прислонить её к дворовой стене, не придётся возводить ещё одну сторону.

Сюн Цзиньчжоу внимательно посмотрел туда и с сомнением спросил:

— Только из бамбука?

Нин Гуйчжу не сразу понял причину его сомнений, но вскоре догадался и ответил:

— Потом замесим глину и обмажем снаружи и изнутри в два слоя. Тогда чёрный дым будет не так легко выходить наружу.

— Угу, тогда сделаем по-твоему.

Каша в котелке уже как следует упрела. Нин Гуйчжу быстро обжарил дикие овощи с мясной соломкой, после чего они сели за стол. Сделав по глотку густой, ароматной солоноватой каши, оба блаженно вздохнули.

После ужина они прибрали кухню, приготовили для собак и мула грубые паровые булочки. Затем Нин Гуйчжу разжёг очаг, высыпал в котёл вторую порцию заранее нарубленного мясного фарша, обжарил его, влил почти полный глиняный горшок воды, накрыл крышкой и оставил медленно томиться.

После этого супруги вместе вышли из дома.

<http://bllate.org/book/14958/1736774>